

С. В. ШВЕДОВ.

Научный сотрудник Российского военно-исторического архива

О ПЛАНЕ ОТСТУПЛЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ ВГЛУБЬ СТРАНЫ В 1812 ГОДУ

В ходе Отечественной войны 1812 года русская армия, первоначально уступавшая неприятелю в численности в два раза, имея против себя полководца высочайшего класса, сумела избежать поражения, выравнять соотношение сил, а затем принудить неприятеля к отступлению. По мнению практически всех без исключения историков писавших о войне 1812 года, отступление было единственно верным способом действия русской армии. Но дальше в науке нет единства. Большинство ученых (в т. ч. К. Клаузевиц, А. И. Михайловский, А. Н. Данилевский, Б. М. Попов, Б. М. Колюбакин, Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровный, П. А. Жилин, а также Н. А. Троицкий) считали отступление результатом суровой необходимости, а не заранее обдуманного решенияⁱ. Некоторые однозначно представляли его как цепь колебаний и ошибок русского командования, исправлявшихся в последний моментⁱⁱ. В качестве аргументов они выдвигали следующие положения:

1) позднейшие свидетельства М. Б. Барклая де Толли и императора Александра I о наличии плана отступления — плод их уязвленного честолюбия; отсутствие письменного плана отступления вглубь страны;

2) наличие наступательных планов и подготовки к переходу границы накануне войны;

3) ошибочность плана Фуля, по которому была развернута и пыталась действовать русская армия;

4) отрицательное влияние императора Александра I на действия командования;

5) Стратегия М. И. Кутузова была гораздо выше по уровню, чем стратегия М. Б. Барклая де Толли, что косвенно подтверждает ее неполное соответствие реальностям войны.

Вторая точка зрения, представленная в российской историографии М. И. Богдановичем, В. В. Пугачевым, отчасти Е. В. Тарле и Н. А. Троицким, гласит, что план отступления существовал и был реализован, хотя и не точно в том виде как был задуманⁱⁱⁱ. Их аргументы:

1) многочисленные высказывания с 1807 года Барклая и Александра о возможности победы над Наполеоном путем заманивания вглубь территории, лишения противника всех припасов, затягивания войны до зимы, мобилизации многочисленных резервов;

2) факты неуклонного следования Барклая принципу сохранения армии.

Приведенная классификация взглядов показывает подход историков к данной проблеме лишь в самом общем виде. Некоторые историки, придерживаясь в целом одной точки зрения, приводили веские аргументы в пользу другой, никак не опровергая их.

Так А. И. Михайловский-Данилевский приводит письмо царя своему наставнику Н. И. Салтыкову от 2 июля (здесь и далее даты по ст. ст.), показывающее глубокое понимание сложности проведения в жизнь

стратегии уклонения от генерального сражения до момента формирования «второй стены» в глубине государства, его распоряжения, отданные на реке Зап. Двина, о сборе в Калуге резервного корпуса и 2-х месячного запаса продовольствия,^{iv} справедливо полагая, их проявлением стратегического предвидения царя. И наоборот, Н. А. Троицкий, декларируя свое мнение о сознательном осуществлении Барклаем отступления, о его высоких полководческих качествах, находит возможным утверждать, что он по сравнению с М. И. Кутузовым, не имел доверия к себе ни в армии, ни в народе, что вредило делу народной войны^v, и потому был не в состоянии осуществить свои идеи.

Проблема использования глубокого отступления с целью последующего более гарантированного уничтожения неприятеля носит сложный характер.

Многие факторы определяющие ход борьбы действуют неравномерно и в противоположных направлениях. Поэтому определение того предела, когда порождаемые отступлением преимущества еще уравнивают потери, заранее очень затруднено. Если бы исход был ясен до начала борьбы, очевидно, Наполеон просто не начал бы свой поход.

С одной стороны, не потерпевшая поражение отступающая армия имеет перед противником массу преимуществ. Она приближается к источникам силы, использует заранее подготовленные базы снабжения, укрепленные позиции, места для отдыха людей и лошадей, в то время как противник ничего этого не имеет. Силы неприятеля расходуются на преодоление всех этих препятствий в гораздо большей степени, чем обороняющихся.^{vi}

С другой стороны, обширные провинции несут ущерб, перестают служить поддержкой армии. Боевой дух армии, всего народа испытывает серьезные удары. Он может быть подорван. Верховная власть может быть настолько ослаблена, что не сможет осуществить задуманный план разгрома неприятеля. Таким образом, перед командующим, решившимся подготовить уничтожение противника «скифским отступлением», стоит двуединая задача: сохранить и усилить армию, сохранить высокий боевой дух ее и самую власть в армии и стране до того момента, когда общество убедится в правильности избранного образа действий.

Рассмотрим состоятельность аргументов историков отрицающих выполнение М. Б. Барклаем де Толли и императором Александром плана, на существовании которого они, кстати, настаивали.

Возникновение плана определялось объективными обстоятельствами:

1) полное преобладание военной машины Наполеона, основанной на концентрации сил, маневре, самообеспечении продовольствием в быстротечных войнах;

2) неэффективность этой системы в длительной войне, вдали от метрополии, против народа (Испания).

3) наличие у России военно-стратегических преимуществ перед другими странами Европы: физическая невозможность захвата всей огромной территории при существовавшем уровне экономического развития, бездорожье, суровый климат, незначительный уровень социальных и национальных антагонизмов.

Идеи, высказанные М. Б. Барклаем де Толли историку Нибуру в 1807 году, когда русская армия принуждена была отступать в свои пределы, вполне соответствовали перечисленным объективным факторам, и, наверняка, возникали у многих. А попали они в историю в связи с именем Барклая только потому, что ему и довелось воплотить их в жизнь. Уже в

1807 году в России началась серьезная подготовка к длительной войне, в т. ч. и в глубине своей территории. Создавался запас вооружения, боеприпасов, обмундирования на случай, если придется быстро восстанавливать разбитую армию, с базами хранения в Петербурге, Москве, Киеве (т. е. очень далеко от границ). Были созданы армейские резервы располагавшиеся в три линии: 1-я — на рубеже р. Зап. Двина-Днепр, 2-я — на линии Петербург—Тверь—Харьков, 3-я— в 200 верстах восточнее Москвы от Костромы до Воронежа. Запасы продовольствия к лету 1812 года были устроены не только в приграничном районе, но и на большой глубине: в Новгороде, в Орловской и Черниговской губерниях на реке Десне.

О каких серьезных наступательных планах можно говорить, когда перевозка запасов и подтягивание резервов для их осуществления должно было занять несколько месяцев? Намерение русского командования вторгнуться в герцогство Варшавское и Пруссию не противоречило подготовке возможного глубокого отступления. Целью превентивного наступления было максимальное отдаление на запад начала той зоны «выжженной земли», по которой хотели заставить идти Наполеона. Тем самым тяготы войны частично перекладывались с плеч российского народа на соседей. Такой вывод прямо подтверждается документами.

Отсутствие письменного плана отступления действительно является историческим фактом. Государственный секретарь В. Р. Марченко в своих записках подтверждал: «... в канцелярии государя никаких следов этого плана не было... Без сомнения, план был, но думаю нерешительный и основанный на том, чтобы не оставлять у себя в тылу Литву... Едва ли не все предоставлялось времени и пространству».^{vii}

Мог ли реально быть принят план глубокого отступления до начала войны? Поскольку действия обороняющегося целиком зависят от соотношения сил и планов наступающей стороны, то детальный план отступления мог быть разработан только наряду с другими вариантами действий. Одним из таких вариантов был план Фуля.

Глубокое отступление было лишь вариантом наихудшего для русских хода событий. Мероприятия по подготовке к нему вполне укладывались в более общие планы укрепления обороноспособности государства.

В любом случае план отступления должен был быть совершенно секретным документом, знакомить с которым в полном объеме всех главнокомандующих армиями было совершенно необязательно. Александр мог вполне обойтись изданием конкретных именных указов.

В случае провала ответственность за принятие плана пала бы на Александра. Понятно, что у царя была масса серьезных причин не оформлять свое решение письменно, что не мешало последовательно его выполнять.

Очевидно, что самое главное в исполнении плана — это следование его духу, принципам. По словам Наполеона, на войне нужно «действовать как можно сообразнее с принципами, а затем все остальное предоставить случаю». Для рассматриваемого нами плана такими принципами являлись:

- а) всемерное ослабление противника при условии сохранения собственных сил;
- б) подготовка значительных людских и материальных резервов в местах и ко времени, когда ожидается перелом в войне;
- в) избежание внутренних конфликтов способных подорвать волю армии и государства к победе до момента создания всех необходимых

предпосылок.

В исторической литературе план Фуля, безусловно имевший недостатки, получил неоправданно низкую оценку главным образом из-за выбора позиции при Дриссе, казавшейся ловушкой. Между тем, сама идея укрепленного лагеря между московской и петербургской дорогами при примерном равенстве была плодотворной, т. к. наступающая сторона не смогла бы его безнаказанно обойти. По аналогичной причине армия М. И. Кутузова в тарутинском лагере не позволяла Наполеону двинуться из Москвы на Петербург. Идея Фуля не могла быть реализована из-за большого превосходства неприятеля в силах. Но этот просчет был сделан не Фулем, создавшим план еще в 1811 году.

План Фуля, как и план Барклая (февр. 1810 г.), предполагал, что в то время как одна армия медленно отступает в укрепленный лагерь, другая наступает в тыл противника. Данная идея также была вполне здоровой и жизнеспособной. Она неоднократно с успехом использовалась в борьбе с Наполеоном. В октябре-ноябре 1812 г. 3-я Западная армия П. В. Чичагова перерезала коммуникации Великой армии. Осенью 1813 г. союзные армии постоянными угрозами коммуникациям заставили Наполеона сначала отказаться от идеи разбить союзников по частям, а затем, отступить к Лейпцигу, где и произошла знаменитая «битва народов».

План Фуля, конечно, имел недостатки в т. ч. такой, как невозможность точного его исполнения из-за чрезмерной заданности действий как русской армии, так и, что удивительнее, противника. Но тяжесть положения, в котором оказались войска Александра, определялась прежде всего большим превосходством неприятеля в силах.

Разбросанное положение войск накануне войны определялось не столько расчетами Фуля, сколько трудностью снабжения масс войск стиснутых на небольшом пространстве, необходимостью прикрывать разные стратегические направления. Командование получало достаточный повод уклониться от сражений вблизи границы.

Плавный переход русской армии действовавшей по плану Фуля к глубокому отступлению доказывает, что этот план был вариантом никак не противоречившим другому, более радикальному, и не может служить доказательством бездарности Барклая и Александра.

Тезис о том, что император Александр оказывал лишь отрицательное влияние на планирование и руководство военными действиями не выдерживает критики. Царь был крупным политическим деятелем, его заслуги в дипломатии велики. Он заставил Наполеона уважать интересы России, внутри страны проводил крупные для того времени реформы, для чего требовались и природный ум, и образование, и воля. По всем основным военным вопросам он был единомышленником М. Б. Барклая де Толли, что означает глубокие познания в военном деле. Он сделал в военной политике немало самостоятельных шагов: создал систему ополчений, систему материальных запасов для быстрого восстановления боеспособности армии. После начала войны он самостоятельно провел ряд крупнейших мероприятий по мобилизации государства и отражению глубокого вторжения: создание «второй стены» на подступах к Москве, обеспечение армии запасами продовольствия в Калуге и Твери. Переписка Александра и Барклая доказывает их глубокое понимание и неуклонное следование принципам плана разгрома Наполеона путем истощения его сил в ходе отступления русских вглубь страны.^{viii}

Отъезд царя из армии диктовался вовсе не осознанием собственной бездарности или трусости, а в силу необходимости принятия крупных решений по подготовке перелома в войне. Немаловажным было соблюдение требования не связывать свое имя с непопулярными решениями по оставлению половины России без генерального сражения.

Опровергая возможность существования столь дальновидного плана, ряд историков (в т. ч. П. А. Жилин, Н. А. Троицкий) усматривают коренное отличие стратегии Барклая и Александра от стратегий М. И. Кутузова в том, что они не поняли новых условий, народного характера войны. Отсюда следовал вывод, что единственный полководец, который мог довести войну до победного конца, был М. И. Кутузов^{ix}. План же Барклая, если он и существовал; в конечном счете, был нереален.

Сторонники подобных взглядов упускают из виду:

1) недовольство армии, дворянства и народа действиями Барклая проистекало не от личных качеств последнего, а в силу объективной борьбы передового военного искусства, использовавшего большие жертвы как эффективное средство борьбы, и традиционного, согласного скорее испытывать судьбу армии, в генеральном сражении против значительного превосходящих сил, чем добиться верной победы, обескровив противника в преднамеренном отступлении;

2) назначение М. И. Кутузова главнокомандующим не привело к решительной ломке стратегического замысла М. Б. Барклая де Толли и Александра (Армия повернула к Калуге, где заранее был создан большой запас продовольствия, сформирован резервный корпус. Фланговые группировки, получив за счет резервов значительное превосходство в силах, смогли атаковать коммуникации главных сил Наполеона);

3) недовольство армии действиями М. И. Кутузова, оставившего Москву, ясно проявилось на совете в Филях в упадке дисциплины в войсках. Продолжи он отступление, его отставили бы также как Барклая.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Доказательством существования плана отступления являются:

- а) свидетельства М. Б. Барклая де Толли и императора Александра;
- б) неуклонное следование Барклая и Александра принципам плана отступления, конкретные шаги которого не могли быть предугаданы;
- в) предвоенные приготовления рассчитанные на долгую борьбу, в т. ч. в глубине территории России, мобилизацию крупных людских резервов;
- г) подготовка в районе Москвы «второй стены», постоянный контроль за ходом ее создания.

ⁱ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Спб., 1839 г. ч. 1. С. 134, 148.

Попов А.Н. Труды императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО). Спб, 1910. Т. 7. С. 4—8, 16.

Тарле Е. В. 1812 г. М, 1961. С. 474.

Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М. 1962. С. 314,

Жилин Н. А. Отечественная война 1812 года. М., 1985. С. 117.

Троицкий Н. А. 1812 год. Великий год России. М., 1988. С. 122.

ⁱⁱ ИРВИО Т. 7. С. 4—8, 16. Жилин П. А. Указ. соч. С. 110, 112.

ⁱⁱⁱ Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам Т. 1. Спб., 1860; Отечественная война 1812 года Сб. ст. М., 1962; Тарле Е. В. Указ. соч. С. 472—473;

Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 124.

^{iv} Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 230.

^v Троицкий Н. А. Указ, соч С 132.

^{vi} Клаузевиц К. О войне. М., 1937, ч. II. С. 179—183.

^{vii} Русская старина 1896 г., февраль. С. 501.

^{viii} Харкевич В. И., М. Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812года. Спб., 1904. Приложение. С. 7, 22, 25, 27; Дубровин Н. Ф. Отечественная война 1812 года в письмах современников. Спб., 1882. РГВИА ф. 1, оп. 1, д. 3574, ч. 3. л. 4.

^{ix} Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 132.